

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ

Сегал А.П.

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», философский факультет (119991, Российская Федерация, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4 «Шуваловский»), e-mail: segal.alexander@gmail.com

В статье показана неполнота преобладающих ныне описательных подходов к обыденному сознанию. В итоге при сопоставлении выводов разных исследователей оказывается, что данная категория имеет «рыхлую» категориальную структуру, вытекающую из понятий на уровне здравого смысла выводов различных наук, описывающих обыденное сознание в рамках собственных парадигм. Назрела необходимость описать структуру обыденного сознания путем логического «разворачивания» этой категории. Такое рассмотрение делает понятным причину того, что обыденное сознание предстает как «отрицательная определенность» сознания: это его непосредственная, поверхностная сторона. В историческом аспекте, то есть с точки зрения последовательности возникновения тех или иных форм предмета, обыденное сознание выступает как *предпосылка*, в снятом виде сохраненная в более зрелом предмете. Понимание места обыденного сознания в структуре сознания в целом представляет собой не только академический интерес, но и вполне практическую ценность: при стратегическом планировании коммуникаций оно, во-первых, позволяет правильно оценить целевую аудиторию и соответствующие ей каналы, формы и содержательные характеристики коммуникаций, избежать информационного «шума» и выявить недружественную манипулятивную активность.

Ключевые слова: обыденное сознание, субъект, объект, повседневность, личность.

THE PROBLEM FIELD OF THE STUDY OF ORDINARY CONSCIOUSNESS

Segal A.P.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy (119991, Russia, Moscow, GSP-1, Lomonosovsky Prospekt, 27-4 «Shuvalovskiy»), e-mail: segal.alexander@gmail.com

The article releases an incompleteness of ordinary consciousness descriptive approaches prevailed. As a result, conclusions of different researches, when compared, show that this assumption has a “loose” class structure conditioned by various scientific inferences that can be fairly accepted by sound reason and that describe the ordinary consciousness on terms of their own paradigms. It’s about time of necessity when it becomes imminent to describe the ordinary consciousness structure through a logic “unfolding” of the assumption. This consideration makes us understand the reason why the ordinary consciousness appears as a “negative definition” of consciousness while being its direct surface side. Regarded in a historic light, i.e. from the viewpoint of the consequent origin of some subject forms, the ordinary consciousness proposes itself as a *prerequisite*, skimmed and saved in the more mature subject. Understanding of the ordinary consciousness’ place in the whole consciousness structure is not so much of academic interest as of certain practical value: through strategic planning of communications it enables, in first instance, to appreciate properly a particular audience and its corresponding channels, forms and content communication features, as well as to escape the information “noise”, and to define an unfriendly manipulative activity.

Keywords: ordinary consciousness, subject, object, commonness, routine, personality.

Введение

Интерес философов к теме обыденного сознания, концептуально сформулированный Гегелем, а по существу – еще Кузанцем, по большому счету никогда не затухал. Скорее, напротив: он, словно Гераклитов огонь, всякий раз возгорался по мере того, как общество видело впереди когнитивный тупик – иногда реальный, но чаще мнимый. При этом, однако, следует помнить, что исследование предмета на разных ступенях развития есть исследование не тождественного самому себе предмета: он в какой-то момент *возник*, затем прошел этапы *становления и развития*, прежде чем стать тем, что он есть сейчас. Вряд ли правильно

утверждать, что исследование обыденного сознания «уходит корнями» в античность, но именно в ходе размышлений о философе и толпе, об идеальном государстве и идее блага можно наблюдать *первичную* рефлексию философов по поводу процесса, который мы – но уже *с позиций нашего времени* – можем определить как *возникновение* обыденного сознания.

Но даже если не учитывать этих проблем, сформулированных в ином контексте и лишь позже включенных в контекст обыденного сознания, «философская история» обыденного сознания в любом случае насчитывает больше пяти столетий. Естественно, что за это время многие проблемы тщательно и глубоко исследованы, и в философской литературе создан серьезный базис для глубокого понимания обыденного сознания. Однако следует указать также и на некоторые *нерешенные проблемы*.

Проблема дефиниции обыденного сознания

По нашему мнению, главным камнем преткновения, о который могут расколоться некоторые конструкции современных концепций обыденного сознания, является *проблема методологической рефлексии*. Знакомство с многочисленными исследованиями в сфере обыденного сознания довольно скоро позволяет заметить ряд весьма характерных и интересных особенностей. **Первая** из них – это весьма значительное расхождение во мнениях относительно границ предметной области и методов её исследования. Бóльшая часть противоречий проистекает из разного понимания самого обыденного сознания, и даже не столько понимания, сколько его интуитивного восприятия, образа. Как следствие – при попытке исследования и/или описания предмет дефрагментируется, «рассыпается» на множество определений, часто взаимоисключающих. Возникает своего рода «эффект ускользающей дефиниции».

Попытка выделить некий инвариант, общее и не спорное в понимании обыденного сознания дает достаточно узкий «коридор», наиболее удачно описанный Е.В. Улыбиной: «Говоря об обыденном сознании, практически все исследователи отмечают его нерациональный характер, игнорирование законов логики, отказ от научной информации» [8]. В самом деле, еще Гегель подчеркивал нелогичность, «недиалектичность» обыденного сознания, рассматривая его как «*обыденный способ представления, не доходящий до сознания разумного...*» [3].

Еще одна общепринятая характеристика обыденного сознания – его *неспециализированность*: носитель обыденного сознания некомпетентен в отражаемых его сознанием областях человеческой деятельности.

Таким образом, набирается своего рода «пакет» инвариантных и общепризнанных предикатов обыденного сознания: *неспециализированное, ненаучное (эмпирическое), противоречивое, бессистемное, нерациональное, нелогичное*. Легко заметить одну

особенность: во всех приведенных дефинициях обыденное сознание выступает как *отрицательная определенность* качеств сознания. Все предикаты негативны, они не приписывают качество, а «отнимают» его. И это не ошибка исследователей, а *закономерность исследования*. Во-первых, сам предмет представляет собою исторически более раннюю форму сознания. Во-вторых, его исследование находится (или совсем недавно находилось) на уровне *непосредственного* восприятия – бытия. Категория «бытие», по Гегелю, определяется через противопоставление категории «ничто», а определенное, наличное бытие – через противопоставление категории «нечто». Непосредственность, или бытие, есть первичное схватывание предмета: «...с точки зрения категориального, мыслительного содержания ... еще в значительной мере не ясно, что есть, но несомненно ясно, что что-то *есть*» [1]. Это «что-то», отнесенное к определенному предмету, есть *наличное бытие*, которое качественно отличается от иного, коему противопоставляется в своем бытии. «Наличное бытие есть *определенное* бытие; его определенность есть *суцая* определенность, *качество*. Своим качеством *нечто* противостоит *иному*, оно *изменчиво* и *конечно*, определено всецело отрицательно не только в отношении иного, но и в самом себе» [3].

Вторая особенность определений обыденного сознания состоит в том, что они представляют собой отрицательные определения *не сознания* как такового, а его внешней стороны – *знания*. Это тоже вполне закономерно. Вслед за первичным «схватыванием» на уровне непосредственного (бытия) начинается движение к *сущности*, которая вначале предстает своей первой, внешней стороной. Другое дело, что первый шаг от непосредственного к сущности часто оказывается единственным. Почему? *Во-первых*, непрофессиональный **наблюдатель** объективно видит проблему обыденного сознания поверхностно, на уровне эмоционально-образного восприятия. Иными словами, это *рефлексия* обыденного сознания. *Во-вторых*, само **исследование** на начальном этапе не носит, как правило, систематический характер, будучи по преимуществу описательным, феноменологическим. Оно схватывает внешнюю сторону, и эта сторона сущности предстает как *сама сущность*. И, наконец, *в-третьих*, такая ситуация косвенным образом подтверждает предположение о незрелости **предмета**, и/или его не-целостности, частичности – то есть о том, что предмет представляет собой *часть* иного целого.

Например, авторы одной из самых серьезных монографий, вышедших в последние десять лет по этой теме, И.Т. Касавин и С.П. Щавелев [4], суммируя и классифицируя подходы к обыденному сознанию, в качестве первичного «антропологического итога» рисуют ряд «портретов» носителей обыденного знания [4]. И выясняется, что, во-первых, в этих портретах не делается различие между обыденным сознанием и обыденным *знанием*. То

есть, обыденное сознание выступает в виде знания, причем в предпосылочной его форме – в виде умений и навыков. И, во-вторых, при попытке дать дефиницию оно требует «оппозиции», то есть, в конечном счете, выступает в своей *отрицательной определенности*: через портреты антагонистов – носителей «не-обыденного» знания.

Всё это – показатель того, что весьма серьезным авторам на определенном этапе исследования внешняя сторона сущности тоже видится как *сама сущность*. В качестве примера можно также вспомнить и специальный термин «(со)знание», введенный Б.Я. Пукшанским для случаев, «когда характеристика касается обыденного знания и обыденного сознания одновременно» [6]. На наш взгляд, многие уважаемые авторы вряд ли «не замечают» очевидный эмпиризм исследований обыденного сознания. И вводимые категории *ad hoc*, наподобие уже упомянутого «(со)знания», – это *вынужденный* ход, позволяющий соединить различные компоненты обыденного сознания. *Методологическая проблема* заключается не в том, что эти компоненты рассматриваются «неправильно», а в том, что обыденное сознание рассматривается *само по себе* как *предмет*, в то время как правильно было бы рассматривать его в контексте *разворачивания* более широкого и органически целостного предмета – *сознания*.

Обыденное знание как элемент структуры обыденного сознания

Структура сознания имеет несколько «лакун обыденности», позиции которых мы отметили в ходе рассмотрения сознания. Первой из таких позиций стало *знание*, формируемое и сформированное в процессе *разделенного труда*. Подчеркнем: мы рассматриваем здесь современный, *уже* разделенный процесс труда. И в нем отношения людей друг к другу (и осознание этих отношений) выступают как определяемые отношением к преобразованию природного предмета. Повторим: *собственно сознание* пока что выступает как вторая, внутренняя сторона *знания*, и мы рассматриваем первую сторону сознания вне фиксированной связи с ней.

То, что знание должно стать отправной точкой анализа обыденного сознания, не вызывает сомнения. В самом деле, вернувшись к анализу внешней стороны сознания – *знанию*, – мы получаем возможность первый раз поставить вопрос об *обыденном сознании*. А точнее – о его внешней, поверхностной, непосредственно данной стороне: *обыденном знании*.

Что делает знание обыденным? И, напротив, какое знание – «не-обыденное»? Или, другими словами, чему противопоставляется обыденное знание, что есть то «нечто», через отрицание которого получают его первые дефиниции? Если исходить из приведенных негативных определений, то будет логично предположить, что «не-обыденное» знание должно быть, скорее всего, *специализированным*, если обыденное – не специализировано. Но

следует согласиться с тем, что «научное и обыденное мышление и познание различаются не только как специализированное и неспециализированное: определенная специализация присутствует и в сфере обыденности (виды труда, виды рекреации и т.п.)» [4]. По логике многих исследований, оно должно быть (в отличие от эмпирического, алогичного и бессистемного обыденного) *теоретическим, непротиворечивым и системным*. Эти три определения часто объединяются в оппозицию обыденного и научного знания (мышления). Но, как признают И.Т. Касавин и С.П. Щавелев, «в целом переход от обыденного к научному мышлению так же расплывчат, как неопределенно и само понятие научного мышления в целом» [4]. Добавим: приведенное высказывание демонстрирует также неопределенность в восприятии и различении знания, сознания и мышления.

К тому же возникает еще один справедливый вопрос: для отнесения знания к обыденному/необыденному достаточно ли отрицать какой-нибудь один из приводившихся предикатов или нужно отрицать их все? На наш взгляд, как мы уже отметили, не следует пытаться выстроить иерархию предикатов обыденности, – следует изменить *подход*. Наш подход к обыденному знанию в принципе не противоречит приведенным выше выводам – мы просто делаем следующий шаг.

Знание, напомним, связано с процессом труда. Специализация приводит к разделению процесса труда на ряд узких операций, в которых работник достигает мастерства – в ущерб остальным видам деятельности. Адам Смит, характеризуя разделение труда, писал: «Человек, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций, ... не имеет случая и необходимости изощрять свои умственные способности или упражнять свою сообразительность» [7]. Ловкость и умение такого человека «в его специальной профессии представляются... приобретенными за счет его умственных, социальных и военных качеств» [7].

Таким образом, налицо разделение *знания* на две неравных части: *специальное*, то, что связано с «обычными занятиями», «ловкостью и умением в специальной профессии» и *остальное, не связанное* с профессиональной или иной *каждодневной* деятельностью. Собственно, эта вторая часть есть не знание, а его отрицание, *не-знание*, за счет которого приобретены знания профессиональные либо повседневные. Экстраполяция профессионального или «бытового» повседневного знания на сферу, лежащую вне границ повседневного опыта, и есть, собственно, первое, наиболее поверхностное *проявление* обыденного *знания*.

Вот третий «портрет» носителя обыденного сознания, по И.Т. Касавину и С.П. Щавелеву: «...На уподобленных быту участках специализации исполнитель того или иного социального действия, повинующийся чужой воле и пользующийся готовой

методикой выполнения поставленных перед ним задач» [4]. Авторы, по сути, ведут речь о *потере субъектности*: носитель обыденного сознания исполняет намеченное кем-то, то есть не определяет самостоятельно *цель* трудового процесса. А постановка цели – это есть существенный признак *субъекта*, который затем может эту цель реализовать сам, может кого-то принудить либо кому-то перепоручить ее реализацию, но при этом субъектность в *данном* процессе определяется именно таким образом: тот, кто поставил цель, и есть субъект.

Но цель разделенного, сложного процесса труда сама есть процесс. «Имея в виду взаимодействие всех компонентов труда, мы утверждаем, что цель *действительно* есть цель, т. е. в полной мере оказывается целью, не просто тогда, когда в ней предвосхищается результат, когда она определяет как закон способ и характер труда, но тогда, когда она, будучи окончательно (для совершающегося процесса труда) скорректирована воздействием остальных компонентов труда, реализуется в результате труда. ...Превращение цели из возможной в действительную представляет собой вместе с тем превращение цели в результат» [1]. Иными словами, субъектность, формирование цели и виденье процесса ее реализации в целом – это относительная, а не абсолютная характеристика. Исполнитель тоже воздействует на изменяющийся процесс труда и на изменяющуюся цель – и в этом смысле субъектен. *Внутри* процесса труда человек субъектен в той мере, в которой осознает цель и/или принимает участие в ее реализации.

С другой стороны, рассмотрев труд, подвергшийся разделению внутри себя на ряд отдельных, но связанных процессов, легко заметить, что, несмотря на активность в целеполагании, *относительная* потеря субъектности и участь быть носителем обыденных знаний не минуют и руководителя процесса – того, *кто* осуществляет «особый труд по постановке *цели*». **Во-первых**, если ставится цель, полностью предвосхищающая результат, то есть новый процесс труда полностью повторяет предыдущий, то руководитель процесса, ставящий цель, не вырабатывает ее, а воспроизводит. Следовательно, поставленная цель является внешней по отношению к его деятельности, и в этом смысле он является исполнителем, – то есть теряет субъектность (точнее, не приобретает её).

Во-вторых, цель – это то общее, что объединяет разделенный трудовой процесс, делает его единым целым. И разделение труда есть разделение внутри *общего* процесса труда, процесса, который осуществляет «совокупный работник». Каждая часть этого совокупного работника, то есть индивидуальный работник, реализует свой процесс, внутри которого он понимает, что должен сделать. Тот же, кто ставит общую цель, совершенно не обязательно должен быть детально знаком с процессами ее достижения и понимать, *что* конкретно делает каждый из сотрудников. А если он это понимает, то каждый из составляющих процессов и промежуточных результатов оценивает не с точки зрения хода и результата

каждого из этих процессов, а в контексте общей цели и общего результата, по отношению к которым частичные цели отдельных процессов труда – это задачи, шаги к цели, подчиненные ей.

В то же время для исполнителя эта общая цель есть нечто внешнее, по не совсем понятным причинам влияющая на понятный и логичный частичный процесс. Поэтому, как ни парадоксально, в глазах своих сотрудников руководитель (хозяин) часто выглядит глупцом. И – *vice versa* – не менее часто отвечает сотрудникам взаимностью. Мы с определенностью наблюдаем противоречие, проистекающее из того, что вышедшее за пределы специализации знание не имеет никакого иного познавательного инструмента, кроме собственного повседневного. Обыденное знание начинает *проявляться* как раз в момент выхода за пределы «своей» обыденности. В рамках своего обыденного оно органично и адекватно ему.

Обыденное знание и наука

Научное знание (мышление) принято рассматривать как основную «оппозицию» обыденному. Однако мы не выделяем здесь специально науку. Более того, нам как раз интересно то, что объединяет под сенью обыденности эмпирическое и научное знание – как бы парадоксально и странно это ни выглядело. Впрочем, парадокса здесь нет, а есть, скорее, противоречие.

С одной стороны, наука все более становится (и в существенной степени уже стала) непосредственно общественной производительной силой. Растет число наукоемких производственных процессов и, соответственно, людей, *использующих* прикладные научные разработки в повседневной бытовой и производственной практике. Обыденность начинает «умнеть», а наука становится предметом обыденных суждений.

С другой стороны, постоянно растет число людей, которые занимаются теоретической деятельностью *повседневно*. А поскольку разделение труда коснулось науки не в меньшей, если не в большей степени, чем труда индустриального, постольку и здесь рамки специализации сужаются. Научные работники все чаще выходят за рамки *своей* повседневности – и... реагируют ничуть не лучше, чем домохозяйка (домохозяин) с первого «портрета» носителя обыденного сознания, приведенного И.Т. Касавиным и С.П. Щавелевым [4]. Разница, быть может, лишь в том, что домохозяйка «набрасывает» на окружающий мир свою, «бытовую понятийную сетку координат», а ученый – свою, конкретно-научную. И начинает так же, как домохозяйка, *мыслить по аналогии* – но со своей наукой. А мышление по аналогии, как известно, есть *начальная* стадия рассудочного мышления, не достигающая даже полноценного анализа. *Comparaison n'est pas raison*. Сравнение – не доказательство (фр.).

Снова противоречие: наука, по идее, есть всеобщее знание, знание о целом, но при этом разделение труда в среде ученых формирует большую прослойку людей, которые за пределами своей компетентности воинственно некомпетентны. Именно в этом смысле В.В. Миронов говорил о необходимости выходить из замкнутой профессиональной среды «на уровень "обыденного сознания", в котором пребывает абсолютное большинство людей, в том числе и самих философов» [5].

Итак, мы подошли к довольно важным **выводам**.

В рамках своего повседневного применения обыденное знание *не несет* в себе негативные определения, приведенные нами выше. Оно в достаточной мере специализированное, достаточно часто научное и системное (теоретическое), когда речь касается научной деятельности, и уж точно рациональное, непротиворечивое и логичное, адекватно отражающее предметную область повседневного труда. Но чем более развит процесс труда, чем выше степень его разделения, тем уже повседневные (в том числе профессиональные) рамки знания. Вращаясь в рамках повседневности и достигнув ловкости и умения в специальной профессии, тем не менее, «специалист подобен флюсу, полнота его односторонняя» (Козьма Прутков). Напротив, за пределами повседневного знания специализация, системность и теоретичность – ни по отдельности, ни в совокупности – не гарантируют «не-обыденного» знания. И более того, именно за пределами *своей* повседневности обыденное знание приобретает приводившиеся выше негативные характеристики.

Таким образом, обыденное знание проявляется как таковое за пределами своей повседневности, обыденности. Оно представляет собой единство специального знания и общего *незнания*, или повседневное, специальное знание как *часть*, отрицающую знание в *целом*.

Однако не следует рассматривать названные позиции как следствие злого умысла либо научной недобросовестности. Такое положение проистекает не только и не столько из непонимания исследователями предмета, сколько из его, предмета, незрелости. Обыденное сознание незрело по определению, оно есть генетически и структурно более ранний этап развития сознания, который общество и отдельный индивид могут и должны пройти, но пока еще не прошли или могут не пройти. Поэтому возможности исследования обыденного сознания на сегодня остаются весьма широкими, а необходимость – очевидной. Дальнейшие возможности исследования, как нам представляется, лежат на пути иного рассмотрения обыденного сознания. Как ни парадоксально, для того чтобы сделать шаг в исследовании обыденного сознания, надо отказаться от рассмотрения обыденного сознания как предмета исследования и рассматривать его в процессе и в контексте изучения сознания.

Список литературы

1. Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 328 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: В 3 т. Т.1. – М.: Мысль, 1970. – 501 с.
3. Гегель Г.Ф.В. Лекции по истории философии. Кн. 2. – СПб.: Наука, 1994. – 422 с.
4. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. – М.:Канон+, 2004. – 432 с.
5. Миронов В.В. Интервью журналу «Логос». // ЛОГОС. – 2005. – №5 (50). – С.5-8.
6. Пукшанский Б.Я. Обыденное знание. Опыт философского осмысления. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 154 с.
7. Смит, Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.
8. Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. – М.: Смысл, 2001. – 263 с.

Рецензенты:

Сорина Г. В., д.филос.н., профессор кафедры философии языка и коммуникаций философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Горбаченко Т. Г., д.филос.н., профессор, ведущий научный сотрудник философского факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Киев.